

НОВЫЙ МИР

Е Ж Е М Е С Я Ч Н Ы Й
ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1925 г.

№ 7

Июль, 1975 г.

О Р Г А Н С О Ю З А П И С А Т Е Л Е Й С С С Р

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
КОНСТАНТИН ВАНШЕНКИН — Из лирики, стихи	3
НИКОЛАЙ ЗАДОРНОВ — Симода, роман	9
ЮРИЙ РЫГХЭУ — Когда киты уходят, современная легенда	95
ЮРИЙ КУЗНЕЦОВ — Перо, стихи	152
ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ	
ЕФИМ ДОРОШ — Страницы ненаписанных книг. Вступление и послесловие академика Д. Лихачева	156
ДНЕВНИКИ. ВОСПОМИНАНИЯ	
А. НОВИКОВ — «Нормандия» в небе России	211
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА	
АЛ. ОВЧАРЕНКО — Вчера, сегодня, завтра. Проблема человека и ее художественное решение	238
КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ	
<i>Литература и искусство</i>	
В. Косолапов. Это тоже был фронт... — Виталий Коротич. Направление роста. — В. Новиков. Высокое достоинство реализма.	261
<i>Политика и наука</i>	
Н. Наумов. Последние версты войны. — С. Троицкий. Биография Александра Невского: поиски и находки.	276

(См. на обороте)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИЗВЕСТИЯ СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ СССР»
Москва

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

ЕФИМ ДОРОШ

СТРАНИЦЫ НЕНАПИСАННЫХ КНИГ

Вступление и послесловие академика Д. ЛИХАЧЕВА

Ефим Дорош был открывателем, хотя ничего в своем творчестве не изобретал и как будто не выдумывал. Он был глубоко убежден: писать надо только о том, что есть или было. Это был человек серьезного, вдумчивого отношения к жизни, он никогда не писал о том, что знал недостаточно хорошо. Глубина знаний, глубина мысли и чувства — неотъемлемые черты его писательского облика.

Предлагаемая вниманию читателей публикация из литературного наследия умершего в августе 1972 года Ефима Дороша свидетельствует и о его цельности и широте, о неустанном движении живой мысли и о его особом постоянстве.

Он был и человеком и писателем удивительно верным во всем богатстве оттенков этого слова — верным жизни, верным людям, верным себе самому.

В этом смысле исключительно интересны его «Автобиографические заметки», которые он из присущей ему скромности никогда не публиковал. Здесь он рассказывает, как шел к своему «Деревенскому дневнику», как у него, городского человека, главной темой жизни и творчества стал труд землепашца.

Вторую часть этой публикации составляют отрывки из «Записных книжек» Ефима Дороша, связанные с летними месяцами подмосковной жизни в деревне Арханово. Здесь жил он последние годы, здесь закончил свой многолетний «Деревенский дневник», здесь задумал новые вещи. Несобранные страницы архановских «Записных книжек», возможно, легли бы в основу нового дневника писателя или связаны были бы еще с каким-то иным, неизвестным нам замыслом. Но и в нынешнем виде они несут в себе все черты прозы Ефима Дороша — и содержанием своим и стилем. Они написаны с добродетельной открытостью к людям, с удивительной ясностью наблюдений над жизнью природы. Огню и ту же веточку или тропинку в лесу он умел увидеть в великом множестве сменяющих друг друга красок, оттенков — во все часы дня, во все времена года. Его глаз всегда сохранял необыкновенную свежесть в восприятии природы — как и искусства, как и всего стального в жизни.

Выбор Арханова не был случайностью в жизни Ефима Дороша, как не был случайным много лет назад выбор Ростова для изображения Райгорода.

С этим связан третий раздел публикации — «Древнее рядом с нами, или Образы России». Так сам Е. Дорош назвал будущую свою книгу, которую не успел написать.

Ефим Дорош — писатель с необыкновенным гаром исторического видения.

Живя в Ростове или в Арханове под Москвой, он видит в окружающем даже не следы истории и не следствия исторических событий, а самые эти события, некогда, а для него просто «теперь» происходившие в обживаемых им местах.

Благодаря этому своему гару Е. Я. Дорош видел окружающее в четвертом измерении истории. Пейзаж приобретал для него историческую глубину, а вся жизнь — какую-то торжественность и значительность.

Буднично живя в деревне, там, где некогда проезжал на свою последнюю охоту неугомонный государь всея Руси Василий Третий Иванович, Е. Я. Дорош привык представлять себе в настоящем времени эту столь трагически окончившуюся охоту. Он и смертный путь Василия видел так, «словно,— как он пишет,— все это происходит где-то рядом со мной». Он любил представлять себе исторические события и исторические лица, ибо история была для него всегда рядом с сегодняшним днем.

Так родился замысел его, повести «Последняя охота Василия Третьего», из которой он успел написать только первую главу. Эта глава печатается вместе с отдельными заметками Ефима Яковлевича Дороша на тему русской истории и русского искусства.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О «ПОСЛЕДНЕЙ ОХОТЕ ВАСИЛИЯ III»

Ефим Яковлевич не закончил своей повести. Рассказу о смертном пути Василия III помешала его собственная смерть... И не мне продолжать его рассказ. Ведь пришлось бы писать не только о том, что происходило, но и о том, что мог бы в этом происходящем увидеть острый глаз писателя-художника. Поэтому тем читателям, которые захотели бы подробнее ознакомиться с событиями «последней охоты Василия III», я советую просто прочесть о ней в Софийской второй летописи под 1534 годом в шестом томе полного собрания русских летописей. Здесь древнейшая и лучшая версия рассказа об этой охоте. А для читателей, которым не захочется читать о ней по-древнерусски, я советую обратиться к прекрасному пересказу в «Истории России» С. М. Соловьева — в томе пятом, в части второй, главе третьей.

Однако исторические экскурсы Е. Я. Дороша были не просто картинами прошлого — это были и размышления о прошлом, размышления, конечно, писателя, а не историка, а потому преисполненные того особого удивления перед происшедшим, которое знаменует собой начало всякого художественного творчества.

Рассказ летописи о последней охоте Василия III привлек к себе внимание Ефима Яковлевича не только своей замечательной наглядностью, яркими и очень «человеческими» подробностями, но и трагическим подтекстом происшедшего. В своей неоконченной повести Ефим Яковлевич не только описывает, но и размышляет.

По оставленному им началу его повести можно думать, что главной темой ее была не только смерть Василия III, но и трагическая судьба всего рода московских государей Рюриковичей. Не случайно столько внимания уделил он браку Ивана III с Софьей Палеолог, браку, от которого родился и преемник Ивана III — Василий III: «Божью милостию государь всея Руси и великий князь Владимирский, Московский, Новгородский, Псковский, Смоленский, Тверский, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных, государь и великий князь Новгорода Низовской земли, и Черниговский, и Рязанский, и Волоцкий, и Ржевский, и Бельский, и Ростовский, и Ярославский, и Белозерский, и Удорский, и Обдорский, и Кодинский, и иных». Василий, столь пышно себя именовавший, родился от брака своего отца с наследницей византийского престола Зоей-Софией Палеолог. На него переходили не только права отца, но и державные притязания его матери-гречанки. Забота о наследнике престола была поэтому и для Василия III делом не только личным, но и государственным.

Первый брак Василия III был трагичен для обоих супругов — он был бездетен. Род московских государей, только что поднявшийся на новую ступень своего «европейского» существования, грозил прерваться, а государство после смерти Василия оказаться без единственного законного наследника.

Летописец, сочувствовавший Василию III, описывает (а вернее, приписывает ему) такие тяжелые его думы. Однажды Василий ехал за городом и увидел на дереве гнездо. Он заплакал и сказал (привожу его слова в переводе С. М. Соловьева): «Горе мне! На кого я похож? И на птиц небесных не похож, потому что и они плодовиты; и на зверей земных не похож, потому что и они плодовиты; и на воды не похож, потому что и воды плодовиты: волны их утешают, рыбы веселят». Взглянув на землю, Василий продолжал: «Господи! Не похож я и на землю, потому что и земля приносит плоды свои во всякое время, и благословляют они тебя, Господи!» С плачем говорил он затем боярам своим в думе: «Кому по мне царствовать на Русской земле и во всех городах моих и пределах? Братьям отдать? Но они и своих-то уделов устроить не умеют».

Несчастливая жена Василия III бесплодная Соломония обращалась к знахарям и знахаркам, умывалась наговорной водой, «охватывала» смоченными в этой воде руками сорочку и порты мужа. Некая черница наговаривала не то масло, не то пресный мед и давала ей натираться этим снадобьем. Ничто не помогало.

Развод с бесплодной княгиней стал обсуждаться в литературе, возникла полемика, в которой приняли участие самые видные публицисты того времени — Максим Грек, Вассиан Патрикеев, митрополит Даниил.

В 1525 году Соломония Сабурова была насильно пострижена в московском Рождественском монастыре под именем Софии. При пострижении она срывала с себя черные ризы, плакала и билась. Приставленный присутствовать при пострижении любимец и ближний боярин Василий III Иван Юрьевич Шигоня-Погожин хлестнул Соломонию плетью. Впоследствии этот Иван Шигоня вместе с Михаилом Юрьевичем Захарьиным и Михаилом Глинским были при Василии III в последние дни его жизни.

Из московского Рождественского монастыря Соломония-София была вскоре переведена в суздальский Покровский монастырь. И здесь разыгрался второй акт драмы. Соломония-София якобы вскоре родила сына. Это был слух, вероятнее всего распущенный самой Соломонией, чтобы оправдаться в глазах Василия и вернуть его расположение. Когда было наряжено следствие, ребенка перед приездом полномочных следователей объявили умершим.

В 1934 году из подклета Покровского собора в суздальском Покровском монастыре удаляли мощи Соломонии Софии, признанной в 1650 году святой; рядом была найдена небольшая могила, а в ней кукла в шелковой рубашечке, в шитом жемчугом свивальнике: след драмы, детали которой еще не совсем ясны.

Новый брак с проведеншей свою юность в Литве красавицей Еленой Глинской справлялся с необыкновенной пышностью. В летописи под 1526 годом сохранилось описание этой свадьбы. Поражает тщательное соблюдение всех свадебных народных обычаев, предназначенных помогать плодородию. Жениха и невесту осыпали хмелем и опахивали соболями. После венчания снова осыпали хмелем, постель стелили на тридцатьи ржаных снопах, у изголовья ставили кадки с пшеницей, а в них зажигали свечи, клали каравай хлеба. Утром в постели кормили кашей. Но детей первое время не было снова.

Только в 1530 году 25 августа Елена родила Василию первенца Ивана — будущего царя Ивана Грозного. По случаю рождения Ивана в летопись была включена пышная и пространная речь: «Благодарение и похвала о благодостном рождении по неплодстве сына, молитвою от Бога дарованна самодержавному царю великому князю Василию боговенчанного царя и великого князя Ивана». И по крещении летописец снова вставляет в свой труд новое «благодарение».

В благодарность за рождение первенца Василий III строит церкви. По-видимому, знаменитая церковь Вознесения в селе Коломенском была построена в ознаменование рождения Ивана. Эта церковь — возносящийся к небу могучий белокаменный кристалл — потрясающее по силе выражение торжества, радости, гордости дарованным счастьем. Она вздымается на высоком берегу Москвы-реки, издали свидетельствуя всему миру о счастье и радости ее создателя. Летописец писал о ней: «...бе же церковь та вельми чюдна высокою и красотою и светлостию, такова не бывала прежде того в Руси». Сооружение храма было отпраздновано трехдневным пиром.

Только после рождения сына осторожный Василий III дал разрешение на женитьбу своего младшего брата Андрея Старицкого: престолонаследие было обеспечено.

В каждом из его писем, написанных им жене после рождения Ивана, он просит жену подробно писать ему о здоровье своего первенца. Эти просьбы настойчивы до назойливости, многословны и придирчивы. «Да и о Иване сыне ко мне отпиши, как его бог милует... Да писала еси ко мне наперед сего, против пятницы Иван сын покрячел (то есть поправился.— Д. Л.); а ныне писала еси ко мне, что у сына у Ивана явилось на шее под затылком место высоко да крепко: а наперед сего о том еси ко мне не писала. А ныне пишешь, что утре, в неделю (в воскресенье.— Д. Л.), на первом часу, то место на шее стало у него повыше да и чернее, а гною нет, и то место у него поболает. И ты ко мне наперед того чего дея о том не писала? а написала еси, что Иван сын покрячел. И ты б ко мне ныне отписала, как Ивана сына бог милует, и что у него таково на шее явилось, и которым обычаем явилось, и сколь давно и каково ныне? И со княгинями бы еси и з боярынями поговорила, что таково у Ивана сына явилось и живет ли (то есть и бывает ли.— Д. Л.) таково у детей малых? и будет ли жив (и если бывает.— Д. Л.), ино с чего такового живет, с роду ли, или с иного чего? о всем бы еси о том з боярынями поговорила и их выпросила, да ко мне о том отписала подлинно, чтоб то яз ведал. Да и впредь как чают, ни мака ли (какая-то детская болезнь.— Д. Л.) то будет? и что про то их примысл, чтобы ко мне и то ведомо было; и как нынче тебя бог милует и сына Ивана как бог милует, и о всем том ко мне отпиши».

В следующем письме он опять подробно спрашивает о здоровье сына Ивана, дотошно повторяя все, что уже сообщила ему Елена, и заставляя ее еще более подробно описать болезнь сына.

В летописи сохранились подробные описания смертей русских князей. В Ипатьевской летописи картинно описана смерть Владимира Васильевича Волинского, в Тверской — смерть Михаила Александровича, в Симеоновской — Дмитрия Красного. Рассказ о смерти Василия III в Софийской второй летописи — один из замечательнейших образцов этой скорбной прозы.

Русские князья умели создавать из своего отхода к отцам и дедам своего рода торжественную мистерию.

По поводу смерти Бориса в опере Мусоргского «Борис Годунов» кто-то из музыкальных критиков заметил, что невозможно умирать стоя. Но именно стоя встречал свою смерть Михаил Александрович Тверской в 1399 году. Перед смертью он пожелал постричься. Его провожали всем городом. Это совпало с прибытием даров от константинопольского патриарха — иконою Страшного суда, мощами святых и миром. Навстречу послан вышел духовенство и народ. Встал с постели и князь Михаил. Проводив икону в храм, Михаил вышел к народу, встал на высокую ступень, кланялся и прощался с толпой. Потом он удалился в монастырь, где через неделю умер.

С не меньшим самообладанием умирал и Василий III. Но умирал он с заботой о престолонаследнике, которому было в это время только три года. Он стремился, чтобы народ, бояре и даже сама княгиня не узнали о его смертельной болезни раньше того, как будет сделано все, чтобы закрепить права малолетнего Ивана на престол.

В противоположность своему отцу Ивану III Василий III был неумолим в своих переездах. Охота и дальние поездки на богомолье были его любимым отдыхом. Он захворал, когда тешился охотой возле своего Волока Ламского. В селе Озерецком явилась у него на левой ноге «мала болячка». И понял великий князь, что приближается его «пременение от маловременного сего жития» в вечную жизнь и блаженный покой. Из Озерецкого Василий больной едет в Нахабное; из села Нахабного с трудом, «одержим болезнью», — в Покровское, в Фуниково и здесь празднует день Богородицы. Из Фуникова снова в село Покровское. В третий день с трудом отправляется в Волок «в болезни велицей». Врачи не могут ему помочь. Больным он пирует у своего любимца Ивана Юрьевича Шигони — того самого, что хлестнул плетью Соломонию при ее постриге. На следующий день князь «с великою нужею» дошел до мыльни и с великим трудом снова сидел за столом в «постельных хоромах». На следующий день выдалась хорошая погода, и Василий послал за ловчими, чтобы тешиться охотой, и «не унявся» поехал в свое село Колпь, но по дороге было мало охотничьей потехи. В Колпи Василий

снова с великим трудом сидел за столом, но все ж послал за своим братом Андреем Ивановичем и вместе с ним отправился в поле с собаками. Но поездить смог только две версты и возвратился в Колпь. Снова пир, за которым Василий сидел уже совсем изнемогая. После этого пира у Василия уже не было стола, он ел только в постели. Князя лечили и свои лекари и иноземные — Феофил и Николай Люев. Прикладывали к болячке муку пшеничную с медом и лук печеный.

В Колпи Василий провел две недели и «восхотел» в Волок, но сестя на коня уже не смог, и его несли на руках в носилках. Здесь, в Волоке, начались его дела по составлению завещания. Велись они в строжайшей тайне. Были привезены к князю Старые духовные грамоты скрытно от людей, от княгини и от братии. И снова поездка в Иосифов монастырь. В монастырь он захотел войти пешком — его ввели под руки. И только оттуда его повезли в Москву. Ехали с частыми остановками. В Москву Василий намерился въехать тайно; в Москве было много иноземцев и послов, перед которыми он не хотел предстать умирающим. Он захотел проехать через его любимое село Воробьево, где на Москве-реке спешно стали сооружать мост. Мост подломился под возком — «каптаном» князя. Каптан удалось спасти, только обрубив гужи у выездных ходить с санями лошадей. Возок остался на мосту. Несмотря на то, что великий князь вынужден был вернуться и въезжать в Москву при всем народе, он не наложил на виновных опалы. Он сознавал, что умирает, и не хотел быть жестоким перед смертью. В Москве умирающий князь выполнял все церковные церемонии, стоя принял причастие, принял схиму.

Он сохранял полное самообладание и тщательно отдавал последние распоряжения, касавшиеся государства и его самого. Главной заботой и тут был трехлетний Иван, будущий Грозный, которому он всеми силами стремился надежно обеспечить престол. Он хотел устроить до его совершеннолетия надежное управление государством и по возможности отстранить от управления страной Елену Глинскую.

Отходя к отцам и дедам, Василий III как бы разыграл свою смерть в двух действиях: светском и церковном. Охота была прощанием с любимыми им местами Подмосковья. Она была связана со сложными церемониями и отличалась праздничностью. Полтораэта лет спустя великий любитель соколиной охоты царь Алексей Михайлович сам определял охотничьи церемонии и заботился об их красоте. Созданный при его участии «Урядник соколичьего пути», то есть обряд соколиной охоты, — восторженный гимн ее красоте.

Когда-то для Владимира Мономаха охота была государственным делом. Своими охотничьими подвигами он гордился не меньше, чем своими походами. Для Василия III охота была глубоко личной его привязанностью. Это была лирика древнерусской жизни. Въехав в Москву и занявшись своим завещанием и последними распоряжениями, он сочетал их с выполнением церковного долга.

Но вернемся к трехлетнему наследнику престола — главной и мучительной заботе Василия III. Столь дорогой ценой и с такими страданиями вышестованный наследник русского престола перенес после смерти Василия III все ужасы борьбы за власть его окружавших. Распоряжения Василия III не уберегли царевича. Малолетство Ивана было трагически осложнено борьбой за власть его матери и ее сторонников, а затем бояр между собой. Такими страданиями вышестованный наследник русского престола открыл своим царствованием те «тощие годы» русской истории, о которых упоминает в начале своего повествования Е. Я. Дорош: «Все покатилося с горы». После Ивана Грозного прервалась и та прямая линия потомков Владимира и Ивана Калиты, о сохранении которой так заботился Василий III.

